

Чжан Цзяруй был ученым, он чувствовал, что выше споров с Твити, он успокоился и усмехнулся: "Все здесь точно знают, кто на самом деле говорит глупости".

"Прости, я действительно не понимаю, о чем ты говоришь. Когда я занялся своим семейным бизнесом, я не осмеливался ничего менять, поэтому придерживался правил, установленных моим отцом. Последние три года я брал 50%. Но два месяца назад я изменил его на 30%. Мои бухгалтерские книги могут это подтвердить. Если младший брат говорит, что я беру 60%, значит, это какое-то недоразумение", - Чжоу Юньшэн медленно открылся.

Чжан Цзяруй высмеял: "Нет никакого недоразумения, только вчера Чжу Лао Си пришел ко мне домой, чтобы забрать арендную плату, 60% зерна, не меньше".

Лицо Чжоу Юньшэна помрачнело, он посмотрел на одного из охранников. Этот охранник не принадлежал ему, он был послан Лао Си охранять его младшего сына, Чжу Фушуна. Он хотел спрятаться с отцом, но отец послал его следить за Чжу Цзыюем. Он дал ему верного охранника и оставил его.

Поскольку Чжу Цзыюй не держал его на коротком поводке, владения Чжу Лао Си могли сравниться с собственностью Цзыюя. Чжу Фушунь вырос в роскоши, он больше походил на домовладельца, чем Чжу Цзыюй.

Однако внешне он был похож на свинью, а внутри был труслив. Под пристальным взглядом Чжу Цзыюя и после того, как другие охранники одолели его охрану, он мгновенно обмяк. Он опустил на колени и стал умолять, его язык заплетался в узел, поэтому его бормотание было бессвязным.

Ему не нужно было этого говорить, присутствующие уже могли понять, что что-то не так. Чжу Цзыюй сказал, что он брал только 30% арендной платы, но Чжу Лао Си забирал 60%. Было самоочевидно, куда делись недостающие 30%.

Чжоу Юньшэн сделал паузу, а затем продолжил: "Более того, во времена моего отца мы брали только 50%, а не 60%. За эти дополнительные 10%, кто бы ни был вынужден их заплатить, я верну их обратно".

Выражение его лица было безжалостным, тон - холодным. Все они могли бы точно выяснить, из чьего кармана выйдут эти 10%. Чжан Шулинь вздрогнул. Цинь Цэ одарил Чжоу Юньшэна глубоким взглядом, затем повернулся, чтобы посмотреть на огонь, его мысли были скрыты.

У Чжан Цзяруя был экстремальный характер, как только он кого-то ненавидел, ему было трудно изменить свое мнение о нем, он усмехнулся: "В конце концов, разве вы не можете решить, сколько денег вы "получили"? После того, как вы вызвали общественное негодование, вам, естественно, понадобится козел отпущения. Что бы он ни делал втайне, он все равно остается слугой вашей семьи, вы отвечаете за его жизнь и смерть. Бедный Лао Си так долго был тигром на горе, что, бьюсь об заклад, он никогда не думал, что он просто лук, который отбрасывают после того, как исчезают птицы (что-то, что брошено после того, как служило своей цели). Как грустно".

"Парень, ты даже не представляешь, насколько ты прав", - Чжоу Юньшэн в душе похвалил Чжан Цзяруя, но выражение его лица было очень мрачным, он заверил: "Я не говорю, что я хороший человек, но я не злой. Я не завышал цены для деревенских жителей и не отнимал у них рыбу. Я осмелюсь поклясться Богом, что если я действительно спровоцировал Чжу Лао Си эксплуатировать жителей деревни, пусть гром поразит меня до мучительной смерти, а после смерти отправит меня в восемнадцатый слой ада, чтобы я никогда не перевоплотился!".

Древние придавали большое значение судьбе, и, услышав могущественную клятву Чжу Цзыюя, Чжан Цзяруй потерял дар речи. Твити и Луши были напуганы и разозлены до слез, они действительно хотели, чтобы охранники выгнали этого агрессивного мальчика.

Цинь Цэ, подбрасывавший дрова, внезапно раздавил ту, что держал в руке, и серьезно сказал: "Не связывайтесь с такой ядовитой клятвой, твои слова, я... мы все вам верим", - во время паузы он добавил "мы", и это прозвучало довольно неестественно.

Чжоу Юньшэн посмотрел на его опущенные глаза, настроение Цинь Цэ было явно неловким.

Чжан Цзяруй чувствовал себя еще более неловко, но все равно критиковал: "Давайте пока отложим арендную плату, вы украли рецепт моей семьи, это неоспоримый факт, верно?".

Чжоу Юньшэн устал от его агрессии, на этот раз он не сдержался: "У меня чувствительный язык, мне не нужно красть ваш рецепт, мне нужно съесть его только один раз, чтобы узнать способ приготовления. Зачем мне приказывать Чжу Лао Си взять твой рецепт? Это было бы бессмысленно. Он принес мне рецепт по собственной воле. Я отверг его, я даже сказал ему, чтобы он вернул его. Если он не вернул его, это его действия, а не мои. Я не в долгу перед тобой, если хочешь придрататься, найди Лао Си. Но, честно говоря, эти яйца представляют угрозу, вкус и внешний вид уникальны, но употребление их в большом количестве повредит организму, это в основном яд. Я не знаю, почему они так популярны".

Количество слов действительно было слишком много, Чжан Цзяруй потратил много времени, чтобы обработать всю информацию, но не знал, с чего начать, через полминуты он разочарованно крикнул: "Что за чушь вы говорите, как консервированные яйца моей семьи могут быть токсичными?!".

"Они ядовиты, разве ты уже не знаешь?", - его прекрасные персиковые глаза пристально смотрели на Чжан Шулиня.

О, значит, некоторые древние действительно знали, что не следует есть слишком много консервированных яиц? Чжан Шулинь виновато поморщился, он не умел скрывать свои эмоции. Цинь Цэ увидел это, и его глаза потемнели.

Чжан Цзяруй посмотрел на своего брата, затем снова посмотрел на Чжоу Юньшэна, его лицо покраснело.

Чжоу Юньшэн не дал им шанса сбежать, он продолжил: "Яйца выдерживаются в смеси кальцинированной соды, негашеной извести, соли и определенного процента красного свинца (он использовался для приготовления консервированных яиц в древние времена). Утиные яйца заворачивают в глину и отрубную шелуху и маринуют в течение пятнадцати-шестнадцати дней. Красный свинец - очень традиционный ингредиент китайской медицины, он горький, соленый, холодный и ядовитый. Он используется для лечения язв, язв во рту, кольцевых червей, головных болей, фурункулов, эпилепсии, малярии, дизентерии, рвоты, тошноты и т.д. К сожалению, он остается в печени, легких, почках и головном мозге, вызывая тошноту, рвоту, головные боли, головокружение, боли в животе, диарею и другие заболевания. Дети особенно будут страдать, если они часто будут есть его. Их зубы сгниют, а кости ослабеют и легко сломаются. Такая вредная вещь, как я могу ее продавать?".

То есть семья Чжан знала, что яйца токсичны, и все равно продавала их, все деньги, которые они зарабатывали, мгновенно окрашивались в черный цвет.

Отец Чжан увидел его уверенный взгляд и уже начал верить ему, он в ужасе посмотрел на

Чжан Шулия. Лицо Чжан Шулия теперь было красным, как у Чжан Цзяруя, почти пылающим, его щеки горели, как будто он получил дюжину пощечин. Ему было неловко и стыдно.

Он знал причины, по которым яйца нельзя есть слишком часто, он думал, что до тех пор, пока он не продаст их одному и тому же человеку каждый день, мало вреда может случиться, поэтому не было необходимости говорить об этом и влиять на бизнес. Теперь, когда Чжоу Юньшэн раскрыл правду, люди, несомненно, подумают, что он намеревался причинить им вред, поэтому извинения просто добавляют пороха в бомбу.

Спустя долгое время он сказал: "Эти вещи... Я действительно не знал о них. К счастью, мой дом перестал их продавать".

Цинь Цэ увидел, что он лжет, и тут же нахмурился.

Чжан Цзяруй тут же вмешался: "Да-да, моя семья некоторое время назад прекратила продавать эти консервированные яйца, но вы открыли магазин у нас, он специализируется на продаже консервированных яиц".

"Интересно, чей это магазин, торгующий таким собачьим кормом?", - Чжоу Юньшэну не нужно было отвечать Цзяруюю, он немного подержал палку над огнем, а затем ткнул ею в задницу Чжу Фушуня.

Чжу Фушунь закричал: "Босс, пожалуйста, пощадите меня! Этот магазин принадлежит моему отцу, этот рецепт был тайно взят моим отцом, когда мы вернемся, я немедленно позову отца, чтобы он отдал вам магазин и серебро".

"Как жаль, твоя семья жаждала средств к существованию от жителей деревни и основного имущества, а затем подумала, что может просто спрятать их? Эту лавку и серебро можно передать правительству, может быть, они снисходительно отпустят твоего отца".

Это не будет решаться в частном порядке, чиновники будут вовлечены. Чжу Фушунь был напуган до смерти. Он быстро подбежал, чтобы поклониться, моля о пощаде, но был сбит с ног большим камнем и потерял сознание.

Чжан Цзяруй снова потерял дар речи, он неохотно смирился.

Твити открыла пакет и достала коробку с нарезанной курицей, отчего у всех потекли слюнки, она хихикнула: "Это Ло Мэй, которую улучшил мой молодой хозяин, она маринована в новом соусе. Как сказал мой молодой хозяин, консервированные яйца можно иногда есть, но лучше вообще перестать их есть. Поскольку вы не знали, мы должны были сказать вам, просто чтобы быть уверенными. Нам очень жаль".

Насыщенный аромат мгновенно наполнил пещеру, и без того голодные люди проглотили все. Цинь Цэ был верным псом с черной дырой вместо желудка, когда он учуял блюдо, его темные глаза не могли не сиять.

Кунжутная паста, сахар, уксус, масло чили, перец, кунжутное масло, мелкая соль и другие приправы равномерно смешиваются в миске, смачивая хрустящую, но мягкую курицу. Наконец, они были посыпаны вареными семенами кунжута, светло-золотисто-красный цвет выглядел восхитительно. После того, как мясо коснулось языка, соленый, сладкий, ореховый, пряный и кислый вкус смешались в один, но не пересилили друг друга. Этот вкус тысячи ароматов прилипал к языку, он был очень запоминающимся.

"Это ремесло сравнимо с имперским поваром! Цыпленок Чжан Цзя даже не в одной лиге", - вслух оценил Цинь Цэ.

Когда каждый член семьи Чжан съел свою порцию, у них было одинаковое изменение лица от красного к белому, к зеленому, к фиолетовому, это выглядело действительно впечатляюще.

Чжоу Юньшэн бросил на Цинь Цэ косой взгляд: "Ты ел блюда имперского шеф-повара?".

Цинь Цэ на мгновение заколебался, прежде чем покачать головой: "Нет, просто аналогия", - затем он быстро взглянул на великолепное лицо молодого человека, склонил голову и втайне подумал: "Эта острая курица хороша, но твое нефритовое лицо и водянистые персиковые глаза еще более замечательны".

Чжоу Юньшэн больше не обращал на него внимания, он повернулся к Чжан Цзярюю и Чжан Шулиню и сказал: "Я гастром, мое обоняние особенно острое. Просто попробовав, я могу понять способ приготовления блюда, а также улучшить его. Я предпочитаю наслаждаться едой сам, а не продавать ее посторонним. Ты продаешь свое, я ем свое, нам не нужно ненавидеть друг друга. Если бы я действительно хотел заняться твоими делами, боюсь, твои тарелки заполнили бы сточную канаву, как только кто-нибудь попробует мои. Я буду честен, твой Ло Мэй и горячий горшок на вкус плоские, неаппетитные, даже не стоящие моего времени".

Он немного помолчал, наслаждаясь пристыженным выражением лица семьи Чжан, затем вытащил из кармана белый носовой платок, взял наполовину обгоревшую палочку и набросал рецепт. Он потряс им.

"Но, в конце концов, Чжу Лао Си - слуга моей семьи. Поскольку он завладел вашей семейной тайной, хотя и не получил моего благословения, я не буду слишком строг в этом отношении. Это рецепт маринада для курицы, я придумал его после многих корректировок. Это очень удовлетворительно, так что прими это как компенсацию. В будущем, когда ты встретишь меня на улице, тебе лучше не пялиться на меня со странным враждебным лицом. Я не буду таким вежливым, как сейчас. Если кто-то уважает меня за фут, я буду уважать его за десять футов, если кто-то должен мне доллар, я верну тысячу долларов. Я, Чжу Цзыюй, принадлежу к этому типу людей".

Он отбросил платок и слегка прищурился, его ленивый взгляд выдавал бесконечный снобизм.

Чжан Цзяруй был очень умен, он знал, что этот рецепт принесет много пользы Чжан Цзя, поэтому он поборол свою гордость и протянул руку, чтобы взять его, но был заблокирован Чжан Шулинем. Он взял платок и вернул его, прошептал: "Мы неправильно поняли вас, хозяин. Вы не ошибаетесь, мы ошибались. Мы действительно обидели хорошего человека. Мы не возьмем этот рецепт, заберите его обратно".

Он перебрал платок и слегка прищурился, его ленивый взгляд выдавал бесконечный снобизм. Твити не хотела ничего делать, чтобы помочь семье Чжан, поэтому она сразу же взяла рецепт обратно.

Чжоу Юньшэн указал на него веткой дерева и холодно рассмеялся: "Лицемер".

Была известная китайская дорама под названием "Императрица во дворце". Чжан Шулинь подумал, что Чжоу Юньшэн был древним, поэтому он не придавал значения его словам, а просто смущенно улыбнулся.

После того, как Чжан Шулинь столько раз терял лицо, чувство превосходства современного

человека исчезло.

<http://bllate.org/book/14189/1250336>